

Цзи Линьсюэ шёл на запах. Тонкий, терпкий аромат табака ветер тянул с крыши, вплетая в ночную прохладу, и Цзи Линьсюэ, сам не зная зачем, поднимался по лестнице, и шаги его гулко отдавались в пустом пролёте. Он толкнул тяжёлую дверь и оказался на открытой площадке, залитой бледным светом далёких звёзд, которые смотрели на него равнодушно и холодно.

В углу, где тени сгущались в непроницаемый мрак, кто-то сидел. Ветер гудел в вентиляционных трубах, где-то внизу хлопнула дверь, и звук этот, приглушённый расстоянием, долетел до крыши уже почти неразличимым эхом. Темнота скрывала лицо, но по очертаниям широких плеч и длинных, небрежно вытянутых ног угадывался рослый парень, и вся его расслабленная поза дышала такой дерзкой самоуверенностью, будто он тут хозяин, а звёзды у него в личной подсветке. В пальцах его тлела сигарета, и алый огонёк пульсировал в темноте, как крошечный, умирающий маяк.

На звук шагов парень даже не шелохнулся, ни мускул не дрогнул на его лице, скрытом тенью. Цзи Линьсюэ приблизился вплотную.

— Вообще-то, — сказал он ровно, без тени осуждения, просто как будто зачитывал прогноз погоды, — в школе курить запрещено. Ученикам, во всяком случае.

Парень медленно, смакуя, затянулся, и в тишине раздался хриплый, надсадный кашель, после чего, не поворачивая головы, он процедил сквозь зубы:

— Не хочешь сдохнуть, вали отсюда.

Голос показался смутно знакомым, и где-то в глубине души шевельнулось узнавание, заставив Цзи Линьсюэ, повинувшись внутреннему импульсу, сделать ещё несколько шагов вперёд, в самую гущу тени, где он вдруг понял, что предчувствие его не обмануло.

— Гу Хэнчжи, — выдохнул он, скорее утверждая, чем спрашивая.

Парень медленно, с вызовом, поднял голову. В темноте невозможно было разглядеть выражение его лица, но Цзи Линьсюэ физически ощущал, как его взгляд, острый, как лезвие ножа, медленно, дюйм за дюймом, скользит по его коже, ощупывая, оценивая, пронзая насквозь. Однако, внешне сохраняя полное спокойствие, он встретил этот тяжёлый, давящий взгляд.

— Тебе ещё нет восемнадцати, — напомнил он всё тем же ровным, бесстрастным тоном. — Курить нельзя.

Гу Хэнчжи хмыкнул, коротко и презрительно, и одним плавным движением поднялся на ноги, нависая над Цзи Линьсюэ своими почти метр девяносто, как утёс, который пока не обрушился, но уже намекает.

— А ты кто такой, — в голосе его зазвенела ледяная, колючая насмешка, — чтобы мной командовать?

Цзи Линьсюэ помолчал, словно обдумывая ответ, а потом неторопливо, с таким подчёркнутым спокойствием, будто не стоял только что нос к носу с разъярённым парнем, достал из рюкзака маленькую потрёпанную книжечку, нашёл нужную страницу и поднёс её к слабому свету. Чёткие, казённые строчки, от которых за версту несло бюрократией: «Правило 51. Никому (включая посторонних лиц) не разрешается курить в любых помещениях и на любой территории школы».

— Думаешь, меня этим можно пронять? — Гу Хэнчжи вдруг рассмеялся, резко, зло, как-то слишком громко для этой тихой крыши. — Эта бумажка для меня пустое место. Мусор. Да я этой школой могу подтереться, если захочу.

Он шагнул вперёд, сокращая расстояние между ними до минимума, но Цзи Линьсюэ отступить не стал, только упёрся спиной в холодную стену, и когда Гу Хэнчжи навис над ним, они стояли так близко, что Цзи Линьсюэ явственно ощущал тонкий, горьковато-сладкий аромат табака, пропитавший одежду и волосы парня.

Гу Хэнчжи наклонился ещё ниже, почти касаясь его лица, и Цзи Линьсюэ, глядя в эти безупречные, точеные черты, на идеальную кожу и дерзкий, вызывающий взгляд, невольно поморщился, но не отступил, не шелохнулся, стоял прямо, как вкопанный.

В следующее мгновение книжечку у него грубо вырвали из рук, и Гу Хэнчжи торжествуя ухмыльнулся, потрясая своей добычей, но торжество его было недолгим. Цзи Линьсюэ, не обращая внимания на этот жест, пристально смотрел на его левую щёку, и в глазах его мелькнуло чувство, для которого у него не было слов, не сочувствие и не насмешка, а скорее узнавание.

— У тебя лицо поранено, — проговорил он тихо, почти беззвучно, и в голосе его не было ни жалости, ни испуга, только странное, непонятное ему самому желание разобраться.

При тусклом, неверном свете он наконец-то смог разглядеть выражение лица Гу Хэнчжи, а вместе с ним и то, что тот так отчаянно пытался скрыть. На левой щеке, на идеальной, гладкой коже, ярко алел отчётливый, безжалостный отпечаток ладони, кожа вокруг распухла и покраснела, проступали мелкие лопнувшие капилляры. Таким блистательным, уверенным в себе, а на щеке багровел след от пощёчины, след, который не смыть и не спрятать, словно у последнего мальчишки. Задетый за живое, Гу Хэнчжи в одно мгновение утратил остатки своей напускной, показной насмешки, губы его дрогнули, сжались в тонкую, злую линию.

— Заткнись, — процедил он сквозь зубы, и в голосе его звенела едва сдерживаемая ярость.

Мысли у Цзи Линьсюэ путались, но он всё же, преодолевая внутреннее смятение, указал пальцем на распухшую щёку.

— Раны лучше обработать, — начал он, но не договорил. Сильные, цепкие пальцы вцепились в воротник, дёрнули вверх, дыхание перехватило, ткань больно впилась в шею, и Гу Хэнчжи сжимал её с такой силой, что, казалось, ещё мгновение и задушит. Надо же, а у него реакция отменная, когда он не притворяется статуей, — машинально отметил Цзи Линьсюэ.

Цзи Линьсюэ, не тратя времени на бесполезные попытки вырваться, накрыл его руку своей и методично, палец за пальцем, начал разжимать эту мёртвую хватку. Когда он добрался до последнего пальца, Гу Хэнчжи вдруг сам отдёрнул руку и отступил на шаг, глядя на него с таким выражением, будто впервые увидел.

— Сказал же, не лезь не в своё дело! — выдохнул он, и в голосе его злость мешалась с усталостью, челюсти свело, как будто он кричал не на Цзи Линьсюэ, а на кого-то другого, кого здесь не было.

Дверь на крышу с грохотом распахнулась, и в проём, завывая, ворвался ледяной, пронизывающий ветер, а Гу Хэнчжи, не оглядываясь, шагнул в темноту и исчез.

Цзи Линьсюэ медленно поправил сбившийся воротник и долго смотрел ему вслед, ощущая на пальцах тепло чужой руки, которое всё ещё не хотело отпускать. В голове было пусто и тревожно, будто он только что заглянул туда, куда не следовало, и теперь не знал, как закрыть дверь обратно.

В оригинале, в той дурацкой книжке, всякий раз, когда речь заходила о главном герое, повторяли одно и то же: какой он могущественный, жестокий, деспотичный, как не считается ни с кем. Автор не утруждал себя описанием его школьной жизни, лишь вскользь, парой ничего не значащих фраз, упоминал несколько эпизодов, кроме одного, переломного события, которое, по замыслу автора, должно было объяснить, почему Гу Хэнчжи стал таким монстром. В остальном же его школьные годы, судя по книге, протекали гладко, без особых потрясений и драм.

Но теперь, глядя на всё это, на этот след от пощёчины, на эту ярость, на эту боль в глазах, Цзи Линьсюэ начинал понимать, что всё было совсем не так гладко, и, возможно, книга врал.

Когда Цзи Линьсюэ наконец вернулся в общежитие, Гу Хэнчжи уже лежал на своей кровати, не шевелясь, и притворялся спящим так старательно, что это было заметно даже по тому, как неестественно ровно он дышал. Ну да, конечно, «спит», — хмыкнул про себя Цзи Линьсюэ.

Дверь открылась и закрылась, и Гу Хэнчжи, который, конечно же, и не думал спать, осторожно приоткрыл один глаз, скользнул взглядом по пустой комнате, и когда Цзи Линьсюэ не оказалось на месте, плечи сами собой опустились. Он выдохнул, но едва собрался встать, как вдруг щёлкнул дверной замок, и Гу Хэнчжи мгновенно, как подкошенный, рухнул обратно на подушку, замирая и притворяясь спящим, а в следующую секунду в комнате снова раздались знакомые, неторопливые шаги.

Он прошёлся по комнате, и вдруг шаги его стихли, зато кровать Гу Хэнчжи жалобно скрипнула и зашаталась. Кто-то бесцеремонно забрался наверх и уселся прямо рядом с ним, и Гу Хэнчжи, повинаясь обострённому, почти звериному чутью, в тот самый миг, когда Цзи Линьсюэ протянул к нему руку, молниеносным движением перехватил его запястье и рывком распахнул глаза.

— Ты что задумал? — голос его звучал хрипло, но в нём слышалась угроза.

Цзи Линьсюэ и бровью не повёл, будто его застали не за попыткой помощи, а за чтением учебника, и спокойно, не делая попыток вырваться, поднял вторую руку с самодельным пакетом льда, который он смастерил из пакета и полотенца, пока спускался в общую кухню. Выглядело это так, будто он пришёл не к разъярённому соседу, а к капризному пациенту, который отказывается от лекарства.

— Тебе нужно приложить холод, — констатировал он, словно речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

— Не нужно.

— Если не хочешь завтра проснуться с мордой, как у свиньи, — добавил Цзи Линьсюэ тем же ровным тоном, каким обычно говорят «передайте соль», и Гу Хэнчжи от такой невозмутимости на мгновение растерялся.

Хватка его ослабла, и Цзи Линьсюэ, высвободив запястье, без лишних слов прижал лёд к распухшей, горячей щеке, без всякой жалости, со всей силы, отчего Гу Хэнчжи зашипел от неожиданной, резкой боли, и лицо его исказила гримаса.

— Полегче нельзя? — прошипел он, косясь на своего мучителя. Лёд хрустнул под тканью, и по щеке потекло холодной струйкой. Цзи Линьсюэ промолчал, лишь на мгновение задержав взгляд на его лице, дольше, чем следовало.

При ярком, беспощадном свете лампы след на лице Гу Хэнчжи проступил ещё отчётливей, ещё уродливей, и, судя по размеру ладони, бил взрослый, сильный мужчина. Единственный, кто мог заставить Гу Хэнчжи стерпеть это унижение, а потом в одиночку зализывать раны в пустой школьной комнате, не вызывая охрану, был его собственный отец. Кто же ещё.

Кроме багрового отпечатка на щеке, у него была разбита губа, из небольшой ранки сочилась кровь, делающая его и без того жалкий вид ещё более плачевным, и лёд неприятно охлаждал руку, когда Цзи Линьсюэ переложил пакет в другую ладонь.

Гу Хэнчжи, не отрываясь, смотрел на него, взгляд его был тёмным, тяжёлым, нечитаемым, и вдруг спросил:

— Вы, такие... — голос его звучал глухо. — Не устаёте притворяться?

Цзи Линьсюэ помолчал, обдумывая вопрос, потом ответил вопросом же:

— «Такие» — это какие?

— Которые меня на дух не переносят, — в голосе Гу Хэнчжи зазвенела знакомая, колючая насмешка, но в глазах его на мгновение мелькнуло что-то другое, живое, незащищённое. — Но при этом делают вид, что заботятся. Как будто им есть до меня дело.

Цзи Линьсюэ ничего не сказал. Через полчаса, когда лёд окончательно растаял и превратился в тёплую воду, он достал из своей аптечки ватные палочки и пузырёк с йодом, плеснул немного на вату, и по комнате поплыл резкий больничный запах. Вата стала холодной и влажной, и он осторожно, едва касаясь, промокнул разбитую губу. Движения его были настолько мягкими, почти невесомыми, что Гу Хэнчжи, сам того не замечая, прикрыл глаза, и тогда до него донёлся тихий голос:

— Вообще-то... — он помолчал, словно взвешивая слова. — Если честно, не сказать, чтобы ям ненавижу.

Наутро Цзи Линьсюэ ушёл из комнаты рано. Когда Гу Хэнчжи, притворявшийся спящим, наконец решился открыть глаза, в комнате уже никого не было, только луч утреннего солнца косо падал на пустую кровать, и в нём медленно кружились пылинки. Гу Хэнчжи поднялся, ступни коснулись холодного пола, подошёл к зеркалу и замер, невольно коснувшись пальцами того места, где вчера ещё алел безобразный, распухший след, а сегодня уже расплылся сине-фиолетовый кровоподтёк, похожий на чернильное пятно, и на бледной, почти прозрачной коже это выглядело особенно жутко.

Он скривился, представив, во что превратилась бы его физиономия, если бы вчера этот ненормальный не притащил свой дурацкий лёд, и, вздохнув, смирился с неизбежным, намочил полотенце горячей водой и приложил к щеке. Ткань была тонкой, старой, и горячая вода быстро остывала, но тепло немного успокаивало.

В понедельник на уроке Шэнь Шаоянь уставился на лицо Гу Хэнчжи с таким выражением, будто увидел привидение, восставшее из могилы.

— Хэн-гэ! — выпалил он, забыв про приличия. — Что с твоей физиономией?!

Левая щека Гу Хэнчжи была заклеена огромным, белым, как снег, пластырем, призванным скрыть от посторонних глаз безобразный синяк, и он, покосившись на сидящего впереди Цзи Линьсюэ, коротко бросил:

— Упал.

— Надеюсь, лицо навсегда не испортится, — озабоченно протянул Шэнь Шаоянь, но Гу Хэнчжи одарил его ледяным, уничтожающим взглядом.

— Не дождёшься.

Цзи Линьсюэ, сидевший за своей партой, делал вид, что ничего не слышит, и сосредоточенно, строчка за строчкой, выводил что-то в тетради, а когда Шэнь Шаоянь и Лу Юй наконец покинули класс, вдруг почувствовал лёгкий, настойчивый тычок в спину и, обернувшись, увидел Гу Хэнчжи, который смотрел на него с каменным, непроницаемым лицом.

— То, что вчера было, — процедил он сквозь зубы, — не смей никому рассказывать. Ни одной живой душе.

— Ага, — коротко кивнул Цзи Линьсюэ и уже собрался отвернуться, но его окликнули:

— Погоди.

— Что ещё?

Гу Хэнчжи упорно смотрел куда-то в сторону, на стену, на доску, куда угодно, только не на него, и губы его шевельнулись, когда он с огромным, видимым усилием выдавил из себя:

— Спасибо.

С третьей недели начались долгожданные факультативные занятия. Для второкурсников, помимо основной, обязательной программы, полагался один урок в неделю по выбору, и Цзи Линьсюэ, как всегда, опоздал, так что все более-менее приличные места были давно разобраны, и единственное, что оставалось, это стрельба из лука.

В Дэинь, элитной школе, было всё, что душе угодно: бассейн олимпийского класса, тренажёрный зал, набитый самыми современными тренажёрами, собственный крытый манеж для верховой езды и, конечно же, великолепный, оснащённый по последнему слову техники тир. Пока Гу Хэнчжи и Лу Юй, не сговариваясь, выбрали верховую езду и с самого утра, довольные, отправились в манеж переодеваться, Шэнь Шаоянь, с детства панически боявшийся лошадей, скрепя сердце, поплёлся на стрельбище, выбора у него, по сути, не было.

Цзи Линьсюэ вместе с остальными учениками направился к тиру, но на полпути до них донеслись возбуждённые, восторженные крики со стороны манежа, и он глянул в ту сторону, замерев. Сквозь ограду из металлической сетки было отлично видно, как по манежу, грациозно переставляя ноги, двигался всадник, и этим всадником был Гу Хэнчжи.

На нём был тёмно-серый, идеально сидящий костюм для верховой езды, облегающий жилет

подчёркивал узкую талию, ещё по-юношески гибкую, но уже обещающую силу, он сидел в седле прямо, с безупречной осанкой, длинные ноги свободно свисали по бокам лошади, и при каждом её шаге ткань на бёдрах натягивалась, обрисовывая мышцы. Лицо его, с правильными, словно выточенными из мрамора чертами, выделялось в толпе, как одинокая звезда на тёмном небе, и Цзи Линьсюэ поймал себя на том, что смотрит дольше, чем следовало.

Вокруг зашептались, зашушукались:

— Как жаль, что мне не досталась верховая езда! Я бы тоже хотела посмотреть, как Гу Хэнчжи скачет! Говорят, он виртуозно управляется с лошадьми!

— Теперь понятно, почему на верховую езду такой бешеный ажиотаж, — подхватила другая девушка. — Запись в системе разобрали за секунду!

— А стрельба из лука тоже ничего, — заметил кто-то. — Вон у нас какой красавчик есть, между прочим.

Шэнь Шаоянь, который отлучался в туалет и теперь, запыхавшись, догонял свою группу, услышал это и мгновенно расцвёл, как подсолнух, поворачивающийся к солнцу.

— Ну, я, конечно, красавчик, это всем известно, — самодовольно заявил он, подходя ближе, — но не надо при всех так уж громко расхваливать, люди подумают, что я звезда.

Девушка, только что говорившая про «красавчика», поперхнулась, но, щадя его и без того уязвимое самолюбие, тихо пояснила:

— Это... это не про тебя.

Шэнь Шаоянь вмиг скис, улыбка сползла с его лица.

— А про кого тогда? — спросил он с подозрением, и девушка молча ткнула пальцем вперёд, а Шэнь Шаоянь проследил за её рукой и упёрся взглядом в Цзи Линьсюэ, который, задржав голову, зачарованно смотрел на манеж.

Опять он?! Да сколько можно?! — Шэнь Шаоянь скрипнул зубами от досады, этот тип появился в школе всего ничего, а уже всех девчонок вокруг себя пересобрал, как магнит!

Гу Хэнчжи между тем управлял лошадью виртуозно, с какой-то врождённой, нечеловеческой лёгкостью. Конь под ним слушался малейшего движения поводьев, послушно брал препятствия, двигался легко и свободно, и Цзи Линьсюэ, понаблюдав за этим завораживающим зрелищем ещё немного, вздохнул и направился в тир.

Перед началом занятия каждому ученику выдали базовый спортивный лук и необходимые защитные средства, и первый урок, как водится, посвятили теории, знакомству с инвентарём и правильной постановке стойки, а под конец учитель наконец разрешил сделать по одному пробному выстрелу, чтобы почувствовать снаряд.

Цзи Линьсюэ взял в руки лук, и тело вспомнило всё само, без спросу: стойку, наложение стрелы, натяжение тетивы, прицел, плавный выдох. В прошлой жизни, в университете, он был капитаном сборной команды по стрельбе из лука, и сейчас, стоило пальцам сомкнуться на тетиве, тело вспомнило всё: запах воска от тетивы, лёгкую дрожь наконечника перед спуском, глухой удар стрелы о мишень. Это увлечение было, пожалуй, единственным светлым пятном в его серой студенческой жизни, но в этом мире он не собирался к нему возвращаться. Свист разрезал тишину, и стрела, послушная его воле, вонзилась ровно в центр жёлтого яблочка.

Вокруг ахнули от неожиданности, и учитель, привлечённый этим звуком, обернулся, глянул на мишень и с неподдельным интересом, даже восхищением, спросил:

— Раньше занимался? Профессионально?

Цзи Линьсюэ, сжав губы, коротко ответил:

— Немного.

— Попробуй ещё раз, — попросил учитель, и в глазах его загорелся азартный огонёк, а Цзи Линьсюэ глубоко вздохнул, этот лук был простейшим, учебным, без всяких утяжелителей, в руке он казался непривычно лёгким, и он повторил движения, доведённые до автоматизма долгими часами тренировок, и прицел, и спуск, и вторая стрела, свистнув, вонзилась в то же яблочко, рядом с первой.

Один за другим ученики, побросав свои луки, обступили его плотным кольцом, и под одобрительным взглядом учителя Цзи Линьсюэ выпустил ещё несколько стрел, и каждая без промаха ложилась в самый центр мишени. Крики восторга и удивления становились всё громче и вскоре привлекли внимание тех, кто только что закончил верховую езду.

Гу Хэнчжи стоял в толпе зрителей, не отрываясь глядя на эту фигуру, вокруг которой все столпились, и рядом с ним, как всегда, бубнил Шэнь Шаоянь:

— Я даже лук в руках подержать толком не успел, а он уже стреляет, вжих-вжих! И ведь надо же такому везению! Настоящий павлин распустил хвост!

Цзи Линьсюэ снова и снова, словно в трансе, повторял одни и те же отточенные движения. Холодный, сосредоточенный взгляд, прямая, как струна, спина, чёткие, выверенные до миллиметра жесты, и Гу Хэнчжи вдруг поймал себя на том, что не может отвести взгляд.

Лу Юй, стоявший рядом, молча похлопал Шэнь Шаояня по плечу.

— Ну что, — спросил он с лёгкой усмешкой, — это теперь твой официальный предлог не ходить на уроки?

— Какие уроки! — взвыл Шэнь Шаоянь. — Вся слава, весь почёт, всё уплыло к этому выскочке!

Лу Юй только пожал плечами, а Гу Хэнчжи вдруг, не говоря ни слова, шагнул вперёд, решительно пробился сквозь плотную толпу зевак, бесцеремонно выхватил у кого-то из учеников лук и, глядя прямо на Цзи Линьсюэ, бросил ему вызов с таким видом, будто только что обнаружил соперника, достойного внимания:

— Соревнуемся?

Шэнь Шаоянь, прибежавший следом и застывший за его спиной, от изумления разинул рот, надо же, какой смелый! Цзи Линьсюэ, не ожидавший такого поворота, на мгновение замешкался, но быстро взял себя в руки.

— Не буду, — спокойно ответил он. — Это нечестно. По отношению к тебе.

Вокруг засвистели, заулюлюкали, кто-то даже захолопал, и Гу Хэнчжи усмехнулся, зло, вызывающе.

— Я тебя, что ли, боюсь? — фыркнул он.

— Не буду, — как заведённый, повторил Цзи Линьсюэ. Гу Хэнчжи впился в него тяжёлым, немигающим взглядом, а лицо его медленно, словно под воздействием неведомой силы, каменело, застывая в маске ледяной ярости, после чего, не сказав больше ни слова, он резко развернулся и зашагал прочь, даже не взглянув на ошеломлённых зрителей.

— Эй! — Шэнь Шаоянь перевёл растерянный взгляд с невозмутимого, спокойного Цзи Линьсюэ на удаляющуюся, полную достоинства спину Гу Хэнчжи и, спохватившись, припустил следом.
— Хэн-гэ, подожди меня! Стой!

С того самого дня в тире атмосфера между Гу Хэнчжи и Цзи Линьсюэ стала ещё более холодной, почти арктической. Раньше они просто не разговаривали, теперь же между ними словно протянулась невидимая, но от этого не менее отчётливая линия фронта, и даже вечно витающий в облаках, ничего не замечающий вокруг Шэнь Шаоянь уловил эти перемены. Стоило ему только подойти к Цзи Линьсюэ и открыть рот, чтобы что-то спросить или просто поболтать, как сзади раздавался предостерегающий, ледяной окрик Гу Хэнчжи: «Шэнь Шаоянь». А иногда, когда он видел, что Цзи Линьсюэ склонился над тетрадью, и, повинувшись безотчётному желанию поболтать, подходил к нему, тут же, словно гром среди ясного неба, раздавалось это тихое, но исполненное угрозы «Шэнь Шаоянь», от которого у него внутри всё

обрывалось, и Шэнь Шаоянь пребывал в глубочайшей, вселенской печали. Ну что поделать, если он просто не может молчать, если ему нужно с кем-то разговаривать, делиться мыслями, обсуждать ерунду?! У-у-у!

На уроке английского устроили внезапную контрольную. Учитель, цокая каблуками, прошёлся между рядами, раздавая листки, и класс наполнился шорохом бумаги и скрипом ручек. Гу Хэнчжи, как всегда, получил сто баллов из ста, а Цзи Линьсюэ развернул свой лист и замер. Ярко-красная, кричащая семёрка с девяткой больно резанула по глазам, и он моргнул, сжимая край листа так, что бумага пошла складками. И не успел он как-то отреагировать, как сзади раздался шёпот, язвительный, полный ледяного превосходства:

— И всего-то. А я-то думал...

Цзи Линьсюэ, невозмутимо, даже не обернувшись, отодвинул свой лист в сторону и переложил на его место другой, лежавший рядом.

— Твой, — коротко бросил он.

— А? — Шэнь Шаоянь, до этого мирно дремавший на задней парте, встрепенулся и уставился на развёрнутый лист. — Ой, кажется, я перепутал... А я-то думаю, с чего бы это у меня вдруг сто баллов вылезло!

Гу Хэнчжи, сидевший с каменным лицом, промолчал.

На перемене к парте Цзи Линьсюэ подошла сияющая девушка и протянула ему красивую коробку конфет, и не успел он и рта раскрыть, чтобы вежливо отказать, как сзади раздалось всё то же елейное, но от этого не менее ядовитое:

— Конфеты такой-то марки, щедро, ничего не скажешь. Только вот предыдущая твоя поклонница, помнится, дарила подарочный набор шоколада от Y, который и дороже, и престижнее.

Девушка вспыхнула, как маков цвет, и, обиженно поджав губы, выбежала из класса, а Цзи Линьсюэ, даже не взглянув на коробку, отодвинул её в сторону.

— Твоя девушка приносила, — констатировал он, обращаясь к Шэнь Шаояню, который до этого сидел тише воды, ниже травы, вжав голову в плечи, и тот, услышав это, аж подпрыгнул на месте.

— Чего-чего?! — вытаращил он глаза.

— Твоя девушка, — терпеливо повторил Цзи Линьсюэ, сдерживая улыбку. — Которая тебе цветы дарила. В прошлый вторник. Ты ещё сказал, что у неё «вкус как у принцессы».

— Твою мать! — Шэнь Шаоянь схватился за голову и скорчил страдальческую мину. — Так это правда была она?! И как я теперь ей объясню, что перепутал?!

Гу Хэнчжи, который даже не потрудился взглянуть на пришедшую, продолжал молча сидеть, уткнувшись в телефон.

Так прошла целая неделя. Цзи Линьсюэ терпел, помалкивал, но Шэнь Шаоянь сдался первым, ворвавшись к Лу Юю и с порога, перебивая шум льющейся из крана воды, начал жаловаться на свою нелёгкую долю.

— Можешь просто пересесть, — заметил Лу Юй, не отрываясь от книги.

Шэнь Шаоянь открыл рот, закрыл, потом снова открыл и выдал только одно:

— Всё! Сдаюсь! Пересяду! Пусть они там сами разбираются со своей войной, а я больше не хочу быть крайним!